

слов», стараемся с помощью «слов» обойти реальные трудности изучения обширного и трудного материала.

«Вся история литературы не только на Западе, но и у нас обычно строится по направлениям. В жертву направлению приносятся не только хронология, но и история. Мы готовы пренебречь историей общества, чтобы на протяжении столетий тянуть историю какого-нибудь направления. Что и говорить, направления чрезвычайно облегчают задачи исследования и преподавания: при их помощи можно свести к одному знаменателю все национальные литературы и, не мудрствуя лукаво, определить одним именем самые разные явления всех литератур»,³⁶ — пишет далее Б. Г. Рейзов, и с ним нельзя не согласиться.

Нельзя также не согласиться и с его дальнейшей, в полном смысле слова блестящей характеристикой положения, в которое привело науку «метафизическое представление о литературных направлениях».³⁷ «В национальных литературах Европы, — пишет Б. Г. Рейзов, — существовали явления, которые в разных странах назывались одним и тем же именем — классицизм, романтизм, натурализм, символизм и т. д. Этого было достаточно, чтобы поставить знак равенства между всеми одинаково именуемыми явлениями. Естественно возникло представление, что вся европейская литература живет тождественной жизнью. Опасаясь космополитизма, стали говорить о „национальных вариантах“, но со смущением, так как эти варианты портили картину. Затем перешли за пределы Европы: в античной литературе отыскивали реализм и романтизм, в Азии нашли ренессанс, — сравнивая, сопоставляя, играя на внешнем сходстве, закрывая глаза на все остальное. Во что бы то ни стало нужно было открыть те же „измы“, взятые из западноевропейских литератур, в других национальных литературах. Очевидно, западноевропейская, особенно французская, литература считалась некоей „идеальной“ формой, которая неизбежно должна повторяться повсюду, и, чтобы показать „полноту“ каждой литературы, приходилось доказывать, что и здесь есть те же самые „измы“. Как будто „полнота“ литературы зависит не от того, что она полно и широко выражает исторические задачи народа, а от того, что она „повторяет“ происходившее в какой-то другой стране и что все „измы“ у нее на месте».³⁸

Может быть, кое-что в этой саркастической картине преувеличено, кое-что неясно изложено (например, почему явления, существовавшие в национальных литературах Европы, стали называться в разных странах одним и тем же именем; или, отвергая «представление, что вся европейская литература живет тождественной жизнью», отрицает ли автор факт возникновения общеевропейского

---

³⁶ Там же, стр. 111.

³⁷ Там же, стр. 110

³⁸ Там же, стр. 111.